

A man with a beard and tattoos, wearing a white shirt, embraces a woman with red hair in a purple dress. They are standing outdoors at sunset, with a house and flowers in the background.

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ
СБОР
*М*елиса для хитрого
лиса

Екатерина Мордвинцева Успокоительный сбор. Мелиса для хитрого лиса

<https://litres.ru/74211513>

Аннотация

Парковка — моя стихия. Особенно если врезаться в чужой «Майбах». Теперь я живу в особняке злого гения, мою полы и варю пашот. Но когда на дом нападают конкуренты, я беру пистолет и притворяюсь его племянницей из Европы. Лис, похоже, ещё не понял, кто тут главный.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Глава 2	36
Глава 3	53
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

Чайник закипел ровно в тот момент, когда я в последний раз проверила права.

Я замерла над раковиной с кружкой в руке, прислушиваясь к этому низкому, утробному гулу, который постепенно переходил в свист. На кухне пахло мятой и — почему-то всегда — старыми деревянными шкафами, которые моя мама когда-то перекрасила в противный салатový цвет. «Бодрит», — говорила она. Я думала иначе: салатový — цвет школьной доски, на которой учительница рисовала мелом схемы падежей.

Схемы мне никогда не помогали. А вот чай — да.

Я отключила плиту, залила кипятком пакетик с мелиссой и уставилась на пластиковую карточку, лежащую на подоконнике. Водительское удостоверение. Моё. С моей фотографией — неудачной, как и все остальные, потому что я не умею улыбаться в камеру без того, чтобы не выглядеть перепуганным хомяком. Но главное было не в улыбке. Главное — большая красная буква на обложке моей старой ученической карты сменилась на синюю, и на ней было написано: «Водительское удостоверение РФ».

Я взяла карточку в руки. Пластик был прохладным и скользким, как рыба чешуя. Я повернула её к свету — голограмма переливалась, будто подмигивала мне.

— Чудо, — прошептала я и тут же рассмеялась собственному голосу, сорвавшемуся на фальцет.

Чудо. Потому что ещё три недели назад я была уверена, что провалю экзамен в четвёртый раз.

Четвёртый раз, Карл. Моя подруга Ленка получила права с первой попытки, села в папину «Тойоту» и уехала в сторону моря, даже не моргнув. Я же после каждой неудачной сдачи возвращалась домой, пила чай с мелиссой (успокаиваться) и убеждала себя, что мне не нужна эта дурацкая корочка. Можно жить на такси. Или на автобусах. Или вообще никуда не ездить — сидеть в своей комнате, читать детективы и строить планы на жизнь, которая никогда не сдвинется с мёртвой точки.

Но потом случилось кое-что. Точнее, кто-то.

Я отхлебнула чай. Мелисса обожгла язык, но следом пришло то самое успокоение — мягкое, травяное, почти материнское. Мама не пила мелиссу. Она любила чёрный чай с бергамотом, заваривая его так крепко, что ложка стояла. Мама была крепкой. Она работала бухгалтером в какой-то мелкой конторе, развелась с отцом, когда мне было двенадцать, и с тех пор не позволяла себе ни минуты слабости.

Я — позволяла. И мелисса была моим тихим бунтом против её «возьми себя в руки».

— Алиса! — донеслось из коридора. — Ты выходишь или будешь полдня чаи гонять?

Мамин голос. Прямой, как линейка.

Я вздохнула и сунула права в карман джинсов.

— Выхожу!

— У тебя смена через час. Не опаздывай, Саныч сегодня злой, — предупредила она, и я услышала, как хлопнула дверь ванной.

Саныч — это мой начальник в кафе «Уют», которое находится на первом этаже бизнес-центра. Название, кстати, абсолютно не соответствовало реальности. «Уют» представлял собой тесное помещение с пластиковыми стульями, вечно заляпанными кетчупом, и меню, которое не менялось с 2015 года. Саныч — мужчина пятидесяти с лишним лет с вечно красным носом и привычкой проверять качество уборки белым носовым платком. Если платок становился серым — он вычитал из зарплаты пятьсот рублей.

Я ненавидела эту работу.

Но она кормила меня — точнее, кормила мою копилку. Ту самую, жестяную, в виде кота, с отклеившимися усами, куда я складывала чаевые и проценты от зарплаты. Копилка стояла на полке над кроватью и скалилась своей щелястой улыбкой. В ней лежало что-то около сорока тысяч — смешные деньги для кого-то, но для меня целое состояние. Я копила на курсы английского при университете.

Да, я ещё училась.

Двадцатый год, второй курс филологического, вечернее отделение. Днём — работа, вечером — пары, ночью — домашние задания и сон по четыре часа в сутки. Иногда мне

казалось, что я белка в колесе, только колесо это ведёт в никуда. Зачем мне филология, если я не собираюсь быть учителем? Зачем мне английский, если я боюсь вылететь за пределы своего района?

Ответ был прост: чтобы не кончить как мама. Сидеть с чужими счетами до шестидесяти и мечтать о том, как съездить в Питер, но откладывать поездку вечно.

Я не хотела быть мамой.

Я хотела быть кем-то. Кем-то, кто садится в машину и едет, куда хочет. Кто не боится, что бензин кончится быстрее, чем зарплата. Кто смотрит на дорогу и видит не только разметку, но и горизонт.

Поэтому я и купила этот «Фольксваген».

Старый, уже почти антикварный, с облезшим лаком на капоте и пассажирским сиденьем, которое вечно запрокидывалось назад, если на него надавить. Салон пах пылью и, как ни странно, яблоками — предыдущая хозяйка, бабушка с соседней улицы, возила в багажнике урожай. В бардачке до сих пор лежала её старая карта города, которую я берегла как талисман.

Я назвала его Фрицем. Потому что он немец, и потому что у него характер. Фриц не заводился с первого раза, требовал, чтобы его прогревали хотя бы пять минут, и категорически отказывался включать вторую передачу, если на улице было холодно.

Сегодня было не холодно. Сентябрь выдался золотым —

тёплым, сухим, с запахом прелых листьев и последних яблок. Идеальный день для того, чтобы впервые после получения прав выехать за рулём одной.

Без инструктора. Без мамы. Без Ленки, которая сидела бы справа и верещала: «Алиса, ты куда? Там же знак!»

Только я, Фриц и пустая дорога. Ну, не совсем пустая — мы живём не в деревне. Но предвкушение свободы было таким острым, что у меня свело живот.

Я надела куртку, засунула ноги в кеды (потёртые, но любимые) и вышла.

Мама стояла в прихожей с сумкой в руках.

— Поздно, — сказала она, даже не глядя на часы. — Уже без четверти.

— Успею, — ответила я, хотя сердце ёкнуло.

— На твоём Фольксвагене? — она усмехнулась. — Он же на повороте заглохнет.

— Не заглохнет, — буркнула я, застёгивая молнию. — Я его кормила хорошим бензином.

Мама покачала головой. Ей не нравилась моя идея с покупкой машины. «Куда тебе, Алиса? Ты и автобус-то не всегда успеваешь». Но я отбила этот аргумент тем, что на такси дороже, а автобусы ходят раз в сорок минут. А с Фрицем я могу сама планировать время.

Теоретически.

Практически — я ещё ни разу не ездила одна. После экзаменов прошла всего неделя, и всё это время машина стояла

во дворе, накренившись на левое колесо (там была небольшая яма, которую я засыпала гравием, но гравий разъехался). Я иногда садилась в неё, включала зажигание и просто сидела, сжимая руль, прокручивая в голове порядок действий.

Включить передачу. Выжать сцепление. Плавное нажатие на газ. Не глохни, Фриц. Пожалуйста, не глохни.

Мама чмокнула меня в щёку — сухо, машинально.

— Не разбейся, — сказала она и ушла.

Я перевела дух и вышла во двор.

Наш дом — типичная пятиэтажка спального района, серый бетон, облупившиеся подъезды и вечно занятые детские площадки. Но сегодня двор казался другим. Светило солнце, и в его лучах даже ржавые качели выглядели почти романтично.

Фриц стоял на своём месте, как верный пёс. Я обошла его вокруг, проверила фары (работают), зеркала (заляпаны птицами) и давление в шинах (одну шину я подкачала насосом на прошлой неделе). Всё было в порядке. Насколько это возможно для машины двадцатилетней давности.

Я открыла дверь. Заскрипело — давно пора смазать петли, но руки не доходили. Сев на водительское сиденье, я глубоко вдохнула и закрыла глаза.

«Ты справишься, — сказала я себе. — Ты справишься».

Страх пришёл не сразу. Сначала была эйфория — лёгкая, щекощущая, как шампанское. Я сдала экзамен! Четвертый

раз — и сдала! Инспектор, дядька с прокуренными усами, буркнул: «Ну наконец-то», и поставил подпись. Инструктор Дмитрич похлопал меня по плечу и сказал: «Я в тебя верил, дочка». Я тогда чуть не разревелась от облегчения.

После трёх провалов — по одному разу на каждом этапе — я была уверена, что никогда не получу эту дурацкую карточку. Первый раз заглохла на подъёме. Второй — не уступила дорогу пешеходу. Третий, самый обидный — задела конус при параллельной парковке, хотя до этого идеально всё сделала.

Третий раз я рыдала прямо в машине, уткнувшись в руль. Дмитрич молчал и давал мне салфетки.

Потом я взяла себя в руки, записалась на дополнительные занятия, купила себе новые кеды (для удачи) и каждое утро пила чай с мелиссой, визуализируя, как легко выжимаю сцепление.

И это сработало.

Или нет? Может, просто повезло. Может, инспектору надоело видеть моё испуганное лицо четвёртый раз подряд, и он решил сжалиться.

Я открыла глаза.

Вставить ключ. Повернуть. Фриц чихнул, взревел и завёлся — с третьего раза, но завёлся. Я погладила панель приборов.

— Хороший мальчик, — сказала я.

Стрелка топлива показывала чуть ниже половины. Хва-

тит, чтобы доехать до работы и обратно. И даже останется, чтобы прокатиться вечером.

Я выжала сцепление, включила первую передачу — тугое, с хрустом, но включила. Плавно отпустила педаль, одновременно нажимая на газ.

Фриц дёрнулся и поехал.

— О боже, — прошептала я, когда мы выехали со двора на придомовую дорогу. — О боже-боже-боже.

Руки тряслись. Колени тоже. Я вцепилась в руль так, что побелели костяшки.

Главное — неглохнуть. Главное — смотреть в зеркала. Главное — не паниковать.

Машина сзади — нет, не машина, велосипедист. Пропустить. Стоп-знак — нет, стоп линия. Притормозить. Сцепление в пол, нейтралка, ручник — нет, ручник не надо, я же не на экзамене.

Господи, как они это делают? Как люди просто садятся и едут, будто это так же естественно, как дышать?

Я выехала на главную дорогу. Впереди — светофор. Красный. Я остановилась, чуть не заглохнув от резкого торможения.

— Прости, Фриц, — виновато сказала я.

Из динамиков (один, левый, правый не работал) заиграло радио. Я его не включала — сам включился. Старая привычка машины, просыпаться вместе с зажиганием и искать волну.

Шла какая-то песня про любовь. Я не слушала. Я смотрела на пешеходов, переходящих дорогу, и думала: они даже не знают, что я здесь новичок. Они видят обычную машину, обычную девушку за рулём. Никто не догадывается, что у меня внутри маленькое землетрясение.

Зелёный. Я поехала.

Постепенно страх начал уходить. Руки расслабились, спина перестала быть струной. Я даже начала получать удовольствие — от того, как колёса шуршат по асфальту, как солнце бьёт в стекло, как город проплывает мимо.

Я — за рулём. Я еду сама.

Свобода.

Она была именно такой, как я представляла: терпкой, пьянящей, огромной. Не той свободой, о которой пишут в книгах — побег, приключения, смена обстановки. А простой, бытовой свободой: я могу выбрать маршрут, остановиться там, где захочу, не ждать автобус под дождём.

Я могу забрать Ленку с другого конца города просто потому, что мне не лень.

Могу съездить на озеро, за город, туда, где мы купались в детстве.

Могу.

Это короткое слово весило тонну.

На светофоре я поймала свой взгляд в зеркале заднего вида. Щёки покраснелись, глаза блестят. Я выглядела почти счастливой.

— Слушай, — обратилась я к Фрицу, — а может, мы сегодня после смены не домой, а куда-нибудь ещё? Просто покатаемся? Ты не против?

Фриц не ответил, но и не заглох. Я сочла это за согласие.

Дорога до бизнес-центра занимала обычно пятнадцать минут на автобусе, на машине — около десяти, если без пробок. Сегодня пробок не было — середина дня, все на работе. Я почти расслабилась, даже начала подпевать радио, когда вдруг заметила, что стрелка температуры двигателя подползла к красной зоне.

— Что за... — я перевела взгляд с приборов на дорогу и обратно.

Фриц чихнул. Потом ещё раз. И заглох.

Прямо посреди дороги.

— Нет-нет-нет-нет, — забормотала я, поворачивая ключ. Фриц всхлипнул, но не завёлся. — Только не сейчас, пожалуйста! Мы же договорились!

Сзади засигналили. Я опустила стекло и выставила руку — извините, мол, аварийка. Аварийку я тоже включила, забыв, что надо сначала проверить, работает ли она. Работала. Моргала жалобно, как светлячок в темноте.

Машины объезжали меня, водители крутили пальцем у виска. Я сидела с пылающим лицом и пыталась снова и снова завести Фрица.

И на пятый раз — он завёлся.

— Слава богу, — выдохнула я и, забыв про все правила,

резко дала газ.

Машина дёрнулась, и я поехала дальше, молясь, чтобы этот приступ был единственным.

Больше Фриц не глох. Он вёл себя образцово-показательно, будто извиняясь за свою выходку. К моменту, когда я припарковалась у бизнес-центра (параллельная парковка! сама! почти идеально!), я уже снова улыбалась.

— Я тебя прощаю, — сказала я, выключая зажигание. — Но если ты ещё раз такое выкинешь, я заставлю тебя мыть мотор.

Фриц молчал, но я чувствовала — ему стыдно.

Я вышла из машины, заперла дверь (брелок не работал, пришлось ключом) и направилась к чёрному входу кафе. Смена начиналась через десять минут — я успевала.

По пути заскочила в супермаркет, купила пачку своего любимого чая с мелиссой (домашние запасы кончались) и кинула пакетик в сумку.

Работа была обычной. Посетители — тоже. Я разносила заказы, улыбалась, желала приятного аппетита. Мыла стойку, меняла салфетки, слушала, как Саныч орёт на повара за подгоревшие крутоны.

— Алиса! — рявкнул он, когда я проходила мимо. — Столик шесть — двойной эспresso и круассан с шоколадом. Быстро!

— Бегу, — отозвалась я.

Ноги гудели. После четырёх часов на ногах они напоми-

нали два свинцовых бруска. Но я знала: через два часа смена закончится, я сяду в свой Фриц и поеду домой.

А потом — может быть — сверну не туда. Покатаюсь просто так.

В голове уже родился маршрут: в объезд, через набережную, где горят фонари, хотя стемнеет ещё не скоро. Я люблю набережную. Там хорошо думается.

В обеденный перерыв я заварила себе чашку мелиссы в подсобке. Саныч не любил, когда персонал пьёт чай за счёт заведения, но я делала это тайком, пряча кружку за ящиками с сахаром.

Мелисса пахла лимоном и мятой, хотя ни того ни другого в ней не было. Просто такой магический запах — успокаивающий, обещающий, что всё будет хорошо.

Я пила маленькими глотками и думала о том, как изменилась моя жизнь за последний месяц.

Получила права — раз. Купила Фрица (в кредит у маминной подруги, без процентов, но отдавать три года) — два. Начала чувствовать себя взрослой — три.

Кажется, я впервые была собой довольна.

Не «нормально, Алиса, могло быть лучше». А именно — довольна. Я справилась с тем, чего боялась больше всего. С тем, что казалось невозможным после трёх провалов.

Иногда достаточно просто не сдаться. Сделать четвёртый, пятый, десятый шаг — и в какой-то момент земля под ногами становится твёрже.

Я допила чай, сполоснула кружку и вернулась в зал.

Вечером, когда смена закончилась, я переоделась в своё (джинсы стали ещё грязнее, белая футболка обзавелась пятном от томатного соуса) и вышла на парковку.

Фриц стоял, где я его оставила. Серая, неприметная машина, каких тысячи. Но моя.

Я подошла, провела рукой по крыше. На ней оседала вечерняя роса, и пальцы стали влажными.

— Ну что, поедем кататься? — спросила я.

И вдруг меня кольнуло сомнение.

Темнело. Я не очень уверенно чувствовала себя в сумерках — на учебных занятиях мы ездили только днём. Что, если я не справлюсь? Что, если ослепнут фары встречных? Что, если я собою кого-нибудь?

Я замерла с рукой на дверной ручке.

«Можно поехать домой, — подумала я. — Прямо сейчас, по знакомой дороге. А катание отложить на выходные».

Но внутри кто-то очень настойчивый шептал: «Нет. Ты должна. Ты должна почувствовать, что можешь больше, чем просто доехать от дома до работы. Иначе какой смысл?»

Я села в машину.

Завелась. С первого раза — даже удивительно.

Включила фары, проверила поворотники. Выехала с парковки и свернула не налево, к дому, а направо, в сторону набережной.

Город встретил меня огнями. Витрины магазинов, вывес-

ки, светофоры, гирлянды на уличных столбах — всё горело, переливалось, мерцало. Я ехала медленно, в правом ряду, и мне было... хорошо. Страх почти прошёл, осталась только лёгкая тревога, как предчувствие чего-то, что вот-вот случится.

Я не знала, что это предчувствие не обманывает.

На набережной было пустынно — будний день, люди разошлись по домам. Я припарковалась у парапета, выключила двигатель и просто смотрела на воду. Река была тёмной, почти чёрной, но в ней отражались огни моста — длинные, дрожащие полосы.

Я достала из сумки термос (утром залила туда чай) и налила себе мяты. Горячо, терпко, чуть горьковато.

— За нас, Фриц, — сказала я, поднимая крышку термоса как бокал.

Фриц молчал. Ему, в отличие от меня, чай был не нужен. Я сидела, пила и думала.

О том, что через два года закончу университет. Что тогда? Пойду работать в школу? В редакцию? В переводчицы? Не знаю. Но машина у меня уже будет. И я смогу уехать куда угодно. Хоть во Владивосток.

Взрослая жизнь пугала меня до колик. Но в этот вечер, под шум реки и запах мяты, она казалась не страшной, а просто... большой. Как дорога, которая уходит за горизонт.

Я задержалась на набережной дольше, чем планировала. Когда чай в термосе кончился, а звёзды стали слишком от-

чётливыми, я завела Фрица и поехала домой.

Дорога была привычной — я знала каждый поворот, каждую яму. Но именно на этой дороге, на перекрёстке, где я поворачивала к своему двору, произошло то, что изменило всё.

Я не заметила знак «Уступи дорогу». Точнее, заметила, но поздно. Потому что в левом ряду, с включёнными фарами, шёл чёрный автомобиль. Дорогой. Очень дорогой. Такой, какие я видела только в журналах и на ютуб-обзорах.

Моё сердце пропустило удар.

Я нажала на тормоз, но поздно — Фриц скользнул по мокрому (после вечерней поливки) асфальту и врезался прямо в правое крыло того самого автомобиля.

Удар был не сильным, но достаточным для того, чтобы я ударилась грудью о руль. Сработала подушка безопасности — старая, пахнувшая пылью, она выстрелила мне в лицо и мгновенно сдулась.

В ушах звенело.

Я сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела на разбитую фару Фрица. На то, как из радиатора течёт зелёная жидкость, пахнувшая сладко и тошнотворно.

Потом я перевела взгляд на чужую машину.

Чёрный «Мерседес», длинный, как лимузин, с тонированными стёклами и колёсными дисками, которые стоили, наверное, больше всей моей зарплаты за год.

Из «Мерседеса» вышел мужчина.

Высокий. В тёмном пальто, хотя вечер был тёплым. Лицо — резкое, скуластое, глаза — серые, как зимнее небо. Он смотрел на меня так, будто я была насекомым, которое случайно залетело в его дом.

— Ты, — сказал он глухо, — понимаешь, во что вписалась?

Я открыла рот, чтобы ответить, но из горла вырвался только сип.

Мужчина подошёл ближе, наклонился к моему окну — дыра вместо стекла, от удара оно вылетело.

— Ты хоть знаешь, сколько стоит эта машина? — спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

Он назвал сумму.

Я перестала дышать.

Потом он назвал сумму ремонта.

Мир сузился до точки.

«Это конец», — пронеслось в голове. — «Я влипла. По-настоящему. Это не штраф, не страховой случай. Это катастрофа».

Но тогда я ещё не знала, что катастрофа будет не финансовой.

Я не знала, что этот мужчина, Влад, не просто владелец дорогой машины. Что он причастен к вещам, о которых я даже читать боялась. Что он не возьмёт деньги, потому что деньги для него — пыль.

Я не знала, что он заставит меня отрабатывать долг.

Что я стану его горничной.

Что поселюсь в его доме.

Что буду ненавидеть его.

А потом — полюблю.

Но всё это случится позже.

А пока я сидела в разбитом «Фольксвагене», дрожа от страха, и смотрела в холодные серые глаза, которые уже просчитывали, как использовать меня в своих целях.

Если бы я знала, что этот выезд станет началом ада и... кое-чего гораздо более опасного, чем авария, я бы осталась дома.

Но судьба любит подмигивать из-за угла.

Глава 1

Дождь начался ровно в тот момент, когда я выехала со двора.

Сначала — редкие капли, лениво расплюсывающиеся о лобовое стекло. Я даже обрадовалась: летний тёплый дождь, пахнет озоном и пылью, хорошо. Включила дворники — они скрипнули, но сработали. Стекло стало полосатым, но это ничего, так даже уютнее.

Через пять минут небо рухнуло.

Ливень обрушился стеной — густой, злой, как будто кто-то опрокинул ведро над городом. Дворники захлебывались, я включила их на максимальную скорость, но они всё равно не успевали. Вода заливала лобовое стекло сплошным потоком, фары встречных машин превращались в расплывчатые шары, разметка исчезла под слоем воды.

— Чёрт, — выдохнула я, вцепившись в руль. — Чёрт-чёрт-чёрт.

Фриц, мой старый верный Фриц, вёл себя до обидного бодро — не глох, не чихал, даже не вибрировал. Словно ему нравилось, что я нервничаю. Ну конечно, ему-то что: он железный, ему вода нипочём.

А мне — да.

Я ненавидела водить в дождь. Нет, не просто ненавидела — боялась. На учебных занятиях Дмитрич специально во-

зил меня и в дождь, и в туман, и даже один раз в мокрый снег, но тогда я была под его присмотром. У него есть педали, есть ручной тормоз, есть его спокойный голос: «Не дёргайся, Алиса, газ плавнее, сцепление — молодец».

А сейчас рядом никого не было.

Только я, дождь и дорога, которая стала похожа на зеркало — скользкое, чёрное, отражающее красные огни светофоров.

Я ехала в супермаркет за продуктами. Потому что холодильник был пуст, мама уехала к тёте в соседний город, а заказывать доставку — дорого. Нужно было купить: хлеб, молоко, яйца, что-нибудь к чаю (мелиссу я ещё вчера докупила, спасибо запасливости), и ещё крупу, потому что врач сказала следить за уровнем железа, а гречка — это железо.

Обычный список. Обычный день. Ничего не предвещало катастрофы.

Кроме дождя.

Я выехала на главную дорогу, держалась правого ряда, как учили. Скорость — едва сорок, потому что видимость почти нулевая. Сзади кто-то сигналил, я не обращала внимания. Пусть обгоняют, мне некуда спешить.

Магазин был в пятнадцати минутах езды, но уже через десять я поняла, что заблудилась. Не то чтобы заблудилась — просто повернула не на тот съезд, потому что знак был закрыт веткой дерева, а на навигатор я не смотрела (зарядка кончилась ещё утром, а пауэрбанк остался дома).

— Отлично, — пробормотала я, вглядываясь в мутное стекло. — Просто замечательно.

Попыталась успокоиться. Вдох-выдох. Я знаю этот район, я тут выросла. Если сейчас повернуть налево, потом направо, потом ещё раз налево — выеду к «Пятёрочке». Да, точно. Налево, затем первый поворот направо, и там прямо.

Я включила левый поворотник и начала перестраиваться.

В зеркале заднего вида — ничего. Боковое зеркало — капли, полосы, мутно. Но мне показалось, что свободно.

Я повернула руль.

И тогда это случилось.

Удар.

Он пришёл не спереди и не сзади, а сбоку — резкий, глухой, сотрясающий. Меня швырнуло вперёд, ремень безопасности впился в грудь, голова мотнулась, и я услышала звук, который запомню навсегда: скрежет металла по металлу, визг тормозов, мой собственный крик — короткий, не успевший вырваться до конца.

Фрица развернуло. Я крутила руль, но он не слушался — колёса потеряли сцепление с мокрым асфальтом, и машина поехала боком, пока не упёрлась в бордюр. Остановилась.

Тишина.

Только дождь барабанит по крыше, только моё сердце — бух-бух-бух — колотится где-то в горле, и в ушах звенит.

Я не могла дышать.

Секунда. Другая. Третья.

Я опустила глаза — руки целы, ноги целы. Потрогала лицо — сухо, без крови. Ремень безопасности держит, подушка не сработала (слава богу, старая — выстрелила бы, наверное, в лицо, сломала нос).

— Я жива, — прошептала я. — Я жива.

Но радовалась я рано.

Я посмотрела вперёд — через лобовое стекло, залитое дождём, и увидела его.

Чёрный автомобиль.

Огромный, длинный, низкий, стоящий поперёк дороги, потому что удар был скользящим — я задела его правым крылом, когда перестраивалась. Он не вписался в поворот, вильнул, и теперь замер под углом, наполовину на встречной полосе.

Это был «Mercedes». Не просто «Mercedes» — «Maybach». Я узнала решётку радиатора, похожую на дворец из хрома, и эмблему, которая сверкнула даже в этом сером месиве.

Моё сердце, только начавшее успокаиваться, снова ухнуло вниз.

Я вышла из машины. Ноги дрожали, дождь мгновенно промочил футболку до нитки, но я не чувствовала холода — только жар, поднимающийся откуда-то из груди.

Сначала я посмотрела на Фрица.

Крыло — левое переднее — было помято. Не просто помято, а сложено гармошкой. Фара разбита вдребезги, оскол-

ки валяются на асфальте, смешиваясь с лужами. Бампер треснул, и из-под него что-то капало — то ли омывайка, то ли антифриз, не важно.

— Бедный мой, — прошептала я, и в горле защипало.

Потом я посмотрела на «Mercedes».

И пожалела, что не умерла.

У «Майбаха» была разбита левая фара. Не вся, но стекло треснуло, и внутри что-то мерцало — наверное, дорогушая ксеноновая лампа. По передней двери шла глубокая царапина — от ручки до самого низа, белая на чёрном, как шрам. И заднее крыло — там, куда пришёлся основной удар, — было вмято. Не сильно, но отчётливо, с заломами металла.

И я, конечно, не эксперт по ремонту элитных иномарок, но даже моих скудных знаний хватило, чтобы понять: это тысячи. Десятки тысяч. Может быть, сотни.

Я стояла под дождём, тряслась и смотрела на этот «Мерседес», как кролик на удава.

Из «Майбаха» никто не выходил.

Тонированные стёкла скрывали водителя. Мотор работал — ровно, бесшумно, как у хороших дорогих машин. Дворники на лобовом стекле двигались ритмично, сметая воду.

— Господи, — выдохнула я. — Господи, что же я надела-ла.

Я сделала шаг к «Мерседесу». Потом второй. Ноги скользили по мокрому асфальту, кеды промокли насквозь, и каждый шаг отдавался хлюпаньем.

Я подошла к водительской двери и постучала.

Косточки пальцев встретились с холодным, мокрым стеклом. Звук получился жалким — «тук-тук», как у мышки.

Никакой реакции.

Я постучала сильнее.

— Простите! — крикнула я, перекрывая шум дождя. — Простите, пожалуйста! Я...

Дверь открылась.

Не резко, не хлопком — плавно, как у космического корабля в фильмах про будущее. Сначала показался ботинок — чёрный, кожаный, идеально начищенный, хотя кругом лужи. Потом — нога в тёмных брюках. Потом — весь он.

Мужчина.

Высокий — выше меня на голову, даже когда я стояла в кедах, а он в этих своих ботинках на тонкой подошве. Широкие плечи, прямая спина, и весь он — чёрный, будто вырезанный из ночи: тёмное пальто (шерсть, дорогая, с чёткой линией плеча), тёмный свитер под ним, тёмные волосы — короткий ёршик, без намёка на хаос.

Но самое страшное — глаза.

Серые.

Не те серые, которые кажутся голубыми в солнечном свете. Не тёплые, как пепел. А холодные, как лёд на зимней реке, тяжёлые, как свинец. У него были глаза снайпера — спокойные, просчитывающие, не мигающие.

И тонкие губы, сложенные в линию, которая не обещала

ничего хорошего.

Ему было лет двадцать восемь — тридцать. Молодой, но с такой усталостью вокруг глаз, которая бывает у людей, видевших слишком много дерьма.

Он стоял под дождём и не замечал дождя. Капли падали на его пальто, скатывались, не задерживаясь. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было ровно ноль эмоций. Ни злости, ни удивления, ни даже любопытства.

Только оценка.

Я почувствовала себя мухой на стекле — крошечной, ничтожной, легко стираемой.

— Ты понимаешь, — сказал он, и голос у него оказался низким, чуть хрипловатым, с металлической ноткой, — во что вписалась, детка?

Детка.

Он назвал меня деткой. Не девушкой, не Алисой (откуда ему знать моё имя), а этим снисходительным, почти презрительным «детка».

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Язык прилип к нёбу, дыхание сбилось.

— Я... — выдавила наконец. — Я не специально. Дождь, знаете, видимость плохая, и я только недавно получила права, и...

Он поднял бровь.

Одно движение — и я замолчала на полуслове.

— Ты не специально, — повторил он за мной, без насмеш-

ки, но и без сочувствия. — Хорошо. Это меняет дело. Что теперь? Ты заплатишь?

Он сделал шаг в сторону, пропуская меня к своей машине. Я подошла. Дождь заливал глаза, но я всё равно видела — каждый дефект на чёрном кузове был как личный приговор.

Фара. Царапина. Вмятина.

— Я... у меня есть страховка, — пролепетала я, хотя уже знала, что это не сработает.

— ОСАГО? — спросил он.

Я кивнула.

— Лимит — четыреста тысяч, — сказал он спокойно. — Ремонт этого автомобиля будет стоить примерно в шесть раз больше. Если считать по официальному дилеру — то в восемь. Твоя страховка покроет копейки, детка. Остальное — с тебя.

Голос его был ровным, будничным, как у риелтора, перечисляющего стоимость квадратных метров. Но от этого ровного голоса у меня подкосились колени.

— Я... у меня нет таких денег, — прошептала я.

— Это я уже понял, — сказал он.

Он достал из кармана пальто пачку сигарет — чёрную, без опознавательных знаков — и одну пачку зажигалку. Прикурив, прикрывая огонёк ладонью от дождя. Затянулся. Выдохнул дым в сторону.

И в этом дыме, смешанном с дождём, я уловила запах — дорогой табак, чуть сладковатый, и ещё что-то острое, хо-

лодное. Металл. Сталь. Как будто он не просто курил, а точил нож.

— Значит, так, — сказал он, стряхивая пепел на асфальт. — Вызываем ГИБДД, оформляем аварию. Твоя вина — сто процентов. Ты перестраивалась, не убедившись в безопасности. Я иду в левом ряду, без нарушений. Камеры всё зафиксировали.

Он кивнул куда-то вверх, и я только сейчас заметила на столбе камеру наблюдения — красный огонёк, мигающий в сумерках.

— Далее, — продолжил он. — Твоя страховая платит четыреста. Я подаю в суд на оставшуюся сумму. Ты проигрываешь, потому что вина очевидна. Приставы описывают твоё имущество. Машину эту, — он кивнул на Фрица, — забирают. С твоей зарплаты вычитают половину до полного погашения долга. Это займёт... — он сделал паузу, прикинув что-то в уме, — восемь лет.

Восемь лет.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как гиря.

— Но это если ты будешь работать официально, — добавил он как бы между прочим. — А если нет — то приставы придут к твоей маме. Она, кажется, живёт с тобой?

У меня перехватило дыхание.

— Откуда вы... — начала я, но он меня перебил.

— У тебя ключи на брелоке с номером квартиры, — сказал он, указывая подбородком на мои дрожащие руки. — Но-

мер дома я вижу из окна. Адрес легко гуглится. Фамилию — по почтовому ящику, если надо. Я не маньяк, детка. Просто внимательный.

Он затушил сигарету о подошву ботинка и спрятал окурок в карман — даже бычок не бросил на асфальт. Педант, мать его.

— Так что выбор у тебя небольшой, — закончил он. — Либо классическая схема — суд, приставы, долги на годы. Либо...

Он замолчал, и в этом молчании было что-то хищное.

— Либо? — переспросила я, хотя уже знала, что сейчас прозвучит что-то ужасное.

— Либо мы договариваемся по-другому, — сказал он. И улыбнулся.

Это была не улыбка — оскал. Краешки губ приподнялись, но глаза остались ледяными. Он улыбался так, как улыбаются, когда знают, что жертва уже в капкане, и можно не торопиться.

— Денег я с тебя не возьму, — сказал он. — Мне не нужны твои гроши. Но ты будешь должна мне услугу. Точнее — месяц работы. Горничной в моём доме.

Я моргнула.

— Что?

— Горничной, — повторил он, растягивая гласные. — Уборка, готовка, стирка, беготня по поручениям. Живёшь у меня — в отдельной комнате, не волнуйся. Питание за мой

счёт. Через месяц — свободна. Долг списан.

— Это... это рабство! — вырвалось у меня.

Он рассмеялся. Коротко, без веселья.

— Нет, детка. Рабство — это когда тебя держат силой и не платят. А я предлагаю сделку. Ты работаешь — я прощаю долг. Всё по взаимному согласию.

— Но я не согласна! — мой голос сорвался на фальцет.

— Тогда суд, — пожал он плечами. — Твой выбор.

Дождь лил как из ведра. Я стояла, промокая до костей, и понимала, что проиграла. Что этот человек — Влад, как он представится позже, — уже всё решил. Он дал мне выбор, но оба варианта вели в тупик.

В одном — долги на годы, потеря машины, мама узнает, что я влипла в историю.

В другом — месяц в чужом доме в качестве прислуги. Унизительно, страшно, непонятно. Но это всего лишь месяц. Тридцать дней.

А потом свобода.

Я подняла глаза на него — на этого высокого, холодного, пахнущего сталью и дорогим табаком мужчину. На его серые глаза, которые смотрели на меня без жалости, но и без злора. Он просто констатировал факты.

— Если я откажусь? — спросила я тихо. — Прямо сейчас сяду в машину и уеду?

— Я запомнил твои номера, — сказал он. — Заявление в полицию напишу через час. И найду тебя, даже если ты

улетишь на Луну. Не надо проверять, детка. У меня длинные руки.

Он сказал это так буднично, что я поверила.

Я опустила голову, посмотрела на свои промокшие кеды, на осколки фары Фрица, на лужу, в которой отражались огни.

— Я согласна, — прошептала я.

— Что? — переспросил он, хотя прекрасно слышал.

— Я согласна, — повторила я громче, с вызовом, поднимая голову. — На месяц. Горничной. Но, чёрт возьми, если вы сделаете хоть что-то... неподобающее, я... я не знаю, что я сделаю, но вы пожалеете.

Он снова улыбнулся — на этот раз чуть мягче, как будто мой ответ его позабавил.

— Ты забавная, — сказал он. — Пойдём. Оформим аварию как обоюдное согласие без ГИБДД. Я вызову эвакуатор для твоей развалюхи. И поедем ко мне.

— Ко мне? — переспросила я.

— Ты теперь там живёшь, — напомнил он. — За вещами заедем завтра. Сегодня познакомишься с домом.

Он развернулся и пошёл к своей машине, не глядя, иду ли я за ним. Я пошла.

Потому что выбора не было.

В салоне «Майбаха» пахло кожей и дорогим деревом. Сиденья были мягкими, как облака, и подогревались. Кондиционер работал бесшумно, и за тонированными стёклами мир

казался другим — приглушённым, безопасным.

Я села на пассажирское сиденье, и моя мокрая одежда моментально намочила дорожную обивку. Я виновато покосилась на неё, но Влад — я уже начала называть его так в голове — не обратил внимания.

Он аккуратно вырулил, объезжая наши машины, и поехал к обочине, где уже ждал эвакуатор — вызванный, видимо, одним звонком, пока я стояла под дождём.

— Откуда эвакуатор? — спросила я.

— Я вызвал, когда ты ещё не вышла из машины, — ответил он, не глядя. — В таких ситуациях время — деньги.

Я промолчала.

Он заполнил какие-то бумаги — расписку об отсутствии претензий, европротокол, согласие на ремонт за мой счёт (в смысле, за мой труд). Я подписала, не читая. Всё равно бы не поняла.

Потом он сказал:

— Выходи.

Мы вышли. Эвакуаторщики — двое молчаливых парней — погрузили Фрица на платформу. Я смотрела, как мой верный автомобиль, мой первый друг на колёсах, уезжает в неизвестность. У меня защипало глаза.

— Его починят, — сказал Влад за моей спиной. — Не переживай.

— Вы заплатите? — спросила я с надеждой.

— Нет, — ответил он. — Ты. Из своей зарплаты горнич-

ной. Но так как зарплаты у тебя нет, я вычту из долга.

— То есть я буду работать за еду и ремонт своей же машины?

Он повернулся ко мне, и впервые в его глазах мелькнуло что-то живое — усмешка, почти добрая.

— Детка, ты вписалась в роскошный договор. Радуйся, что я не попросил ещё и за бензин.

Я сжала кулаки, но смолчала.

Он снова сел в «Майбах», я — рядом. Двигатель заурчал, и мы поехали — туда, где начиналась моя новая, странная, пугающая жизнь.

Дождь не прекращался.

Я смотрела в окно на размытые огни города и думала только об одном: «Месяц. Всего месяц. Я справлюсь. Я справлюсь».

Я не знала тогда, что месяц станет самым долгим в моей жизни.

И самым сладким.

Но об этом — позже.

А пока я сидела в машине незнакомого мужчины, пахнущего сталью и дорогим табаком, и кусала губы, чтобы не разреветься.

Он включил музыку — джаз, медленный, тягучий.

— Как тебя зовут? — спросил он, не поворачивая головы.

— Алиса, — ответила я.

— Алиса, — повторил он так, будто пробовал на вкус. —

Алиса, которая упала в кроличью нору. Подходяще.

— Это вы кролик? — спросила я с вызовом.

— Я — тот, кто в норе хозяин, — ответил он.

И больше мы не говорили до самого его дома.

Глава 2

Мы стояли под дождём уже пятнадцать минут, а я всё ещё не могла заставить свои зубы перестать стучать. От холода, от страха, от осознания, что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после». До — была девушка с правами, старым Фольксвагеном и смутными планами на будущее. После — я, мокрая, дрожащая, стоящая перед человеком, который смотрел на меня как на сломанную игрушку.

— Итак, — Влад достал телефон, серебристый, без чехла, с большим экраном, на котором не было ни одной трещинки, — вызываю ГИБДД или оформляем европротокол?

Он говорил так, будто предлагал выбрать способ казни: расстрел или повешение.

— Европротокол, — быстро сказала я, потому что вызов ГИБДД означал протокол, эвакуатор, штрафы и официальную бумагу, где чёрным по белому будет написано, что я — виновница. А это — рост страховки, проблемы с работодателем (Саныч и так меня недолюбливает), и вообще, лишние свидетели.

Влад кивнул, спрятал телефон.

— Тогда давай к твоей страховке. Полис ОСАГО у тебя с собой?

Я полезла в бардачок Фрица. Бумаги были сложены в потрёпанную папку — договор купли-продажи, талон тех-

осмотра, и синий листок, который заставил моё сердце сжаться. Я вытащила его дрожащими пальцами, протянула Владу.

Он взял полис, поднёс к глазам, близоруко сощурившись. Дождь стекал по его пальто, но он, казалось, не замечал влаги.

— Страховая «Согласие», — прочитал он вслух. — Лимит ответственности... — он сделал паузу, и уголок его губ дёрнулся вниз, — четыреста тысяч рублей.

— Это минималка, — пискнула я, будто это нуждалось в объяснении.

— Я вижу, — сказал он. — Могла бы и не брать вообще. Толку ноль.

Он вернул мне полис, и я сунула его обратно в бардачок, пачкая бумагу мокрыми пальцами.

— А у вас? — спросила я. — У вас есть КАСКО?

Влад посмотрел на меня долгим взглядом. В его серых глазах отражались огни фонарей — два маленьких жёлтых точки.

— Есть, — сказал он. — Но КАСКО не покроет ущерб, если виновник не установлен или скрылся. А если я обращусь в свою страховую, они выплатят мне, потом подадут в регресс на тебя. И долг твой станет не мне, а страховой компании. Поверь, с ними договориться будет сложнее, чем со мной.

— С вами тоже непросто, — буркнула я.

Он не обиделся.

— Я хотя бы даю выбор.

— Выбор между чем и чем?

Влад сделал шаг ко мне. Я инстинктивно отступила, упёрлась спиной в мокрую дверь Фрица. Он навис надо мной — высокий, чёрный, пахнущий дымом и холодом.

— Сейчас обсудим, — сказал он тихо. — Но не здесь. Садись.

Он кивнул на свой «Майбах».

— Куда?

— В машину, детка. Не на улице же разговаривать.

Он развернулся и пошёл к водительской двери, даже не обернувшись. Я могла бы сбежать. Прямо сейчас — рвануть в темноту, сквозь дождь, юркнуть в подворотню, исчезнуть. У него длинные руки, но они не достанут меня, если я уеду из города.

Но куда я поеду? У меня нет денег на билет, нет друзей в других городах, есть только мама, которая вернётся через два дня, и работа, которую я потеряю, если не выйду завтра.

И Фриц. Фриц стоит на эвакуаторе, помятый, печальный, с вытекшей жидкостью под капотом. Если я сбегу, его починят? Вряд ли.

Я поплелась к «Майбаху».

Сев на пассажирское сиденье, я почувствовала, как тёплый воздух из дефлекторов ударил в лицо. Кожаное сиденье подо мной было сухим, несмотря на то, что я принесла на

нём полведра воды. Влад включил обогрев сидений, и это было так стыдно-приятно — жар, проникающий через промокшие джинсы, греющий ягодицы и поясницу.

— Кондиционер на осушение, — сказал он, заметив, как я ёжусь. — Через пять минут будешь сухой. Пальто сними.

Я послушно стянула куртку — дешёвую, китайскую, с синтетическим наполнителем, который сейчас сбился в комки. Куртка промокла насквозь, из неё текла вода. Я положила её на пол, чувствуя себя грязной и неуместной в этом салоне, где даже коврики выглядели дороже моей обуви.

Влад завёл двигатель, включил дворники и медленно поехал.

— Куда мы? — спросила я, вглядываясь в тёмные окна.

— В тихое место, — ответил он. — Для разговора.

Мы ехали минут десять. Я смотрела на знакомые улицы, которые превращались в незнакомые, потому что дождь смыл краски, а Влад свернул туда, где я никогда не была — в промзону, в лабиринт заброшенных складов и гаражей.

Сердце заколотилось быстрее.

— Зачем мы здесь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не бойся, — сказал он спокойно. — Я не маньяк.

— Маньяки так и говорят.

Он бросил на меня быстрый взгляд — и уголок его губ снова дёрнулся. Полуулыбка?

— Маньяки не возят своих жертв на шикарных «Майба-

хах», детка. Слишком приметно.

Он свернул в переулок. Здесь не было фонарей, только свет фар, выхватывающий из тьмы бетонные стены, облупившуюся краску, лужи с масляными разводами. Влад заглушил двигатель и повернулся ко мне.

Теперь нас разделяла только консоль с подстаканниками. Я чувствовала его запах — отчётливо, в замкнутом пространстве: табак, кожа, металл. И что-то ещё, неуловимое, как холодный ветер с моря.

— Итак, — сказал он, выключая подсветку салона, оставляя нас в полумраке, освещённом только приборами на панели, — перейдём к цифрам.

Он достал телефон, открыл заметки и начал печатать.

— Твоя страховка — 400 тысяч. Ремонт моего автомобиля официальным дилером — 2,5 миллиона рублей.

— Два с половиной миллиона, — повторила я эхом.

Голос не дрожал. Голос просто умер.

— Плюс затраты на эвакуатор — 5 тысяч, плюс аренда машины на время ремонта — около 30 тысяч в день, но я не буду с тебя это брать, — добавил он, великодушно так. — Итого твой долг передо мной — 2 миллиона 100 тысяч рублей, если зачесть страховку.

Он говорил о миллионах так же легко, как я о копейках. Для него это была мелочь, сумма, которую он тратит на ужин в ресторане. Для меня — неподъёмный груз.

— Я... — начала я, пытаясь собрать мозги в кучу. — Я

могу отдавать частями. У меня есть работа, я получаю 30 тысяч в месяц, плюс чаевые, примерно 5 тысяч. Если я буду отдавать половину — по 15 тысяч в месяц, то...

Я замолчала, пытаюсь посчитать в уме.

— 140 месяцев, — закончил за меня Влад. — Почти 12 лет. Плюс проценты, если ты будешь брать кредит, чтобы закрыть долг быстрее. И всё это время ты не сможешь купить себе ничего — ни новой одежды, ни лекарств, ни продуктов лучше макарон. Твоя жизнь превратится в ад, Алиса.

Он впервые назвал меня по имени, и это прозвучало странно — не ласково, не грубо, а как-то... весомо. Как будто он примерял моё имя к своим планам.

— Я готова, — сказала я, хотя была не готова.

— Глупости, — усмехнулся Влад. — Ты не готова. Ты даже не представляешь, что такое жить 12 лет с долговой удавкой на шее. Твоя мама узнает, твои друзья отвернутся, работодатель начнёт вычитать из зарплаты по решению суда, и ты останешься одна с пустыми карманами и грязью на душе.

Каждое его слово было гвоздём, который он забивал в мою самооценку.

— Но есть другой вариант, — сказал он, и его голос стал мягче. Не добрее — мягче, как сталь, покрытая бархатом.

— Какой? — спросила я, хотя уже знала.

— Ты отработываешь долг. Не деньгами — работой.

— Это незаконно, — прошептала я.

— Это называется «урегулирование ущерба во внесудеб-

ном порядке», — ответил Влад. — Никто не заставляет тебя работать бесплатно. Ты платишь трудом, который я оцениваю в сумму долга. В месяц я готов засчитать тебе 700 тысяч. За три месяца ты закроешь весь долг.

— Три? — я вскинула голову. — Ты говорил о месяце!

— Месяц — это если ты будешь работать без выходных и с полной отдачей, — уточнил он. — Но я человек справедливый. Давай сделаем так: месяц испытательного срока. Если ты справишься — долг прощён. Если нет — продлим договор.

Это была ловушка, и я это понимала. Но у меня не было выбора.

— Какую работу? — спросила я.

Влад откинулся на спинку кресла, положил руку на руль. Большой палец постукивал по коже — размеренно, ритмично.

— Уборка в моём доме. Готовка, стирка, глажка, мелкие поручения. Ты будешь жить у меня — отдельная комната, питание за мой счёт. Комендантского часа нет, но покидать территорию без моего ведома нельзя.

— То есть я буду рабыней, — сказала я.

— Ты будешь гостьей, которая выполняет работу по дому вместо оплаты, — поправил он.

— Это одно и то же.

— Тогда называй это как хочешь. Суть не меняется.

Я замолчала. Дождь барабанил по крыше, создавая уют-

ный, почти гипнотический шум. В салоне было тепло, пахло кожей, и если бы не ситуация, я бы, наверное, даже расслабилась.

— А если я откажусь? — спросила я, хотя в глубине души уже знала ответ.

Влад повернулся ко мне, и в свете приборов его лицо выглядело высеченным из камня — острые скулы, прямой нос, тонкие губы.

— Если ты откажешься, я оформлю аварию по всем правилам, вызову ГИБДД, получу справку о ДТП и пойду в суд. Ты проиграешь, потому что вина очевидна. Суд назначит выплату, приставы начнут работать. Я найду твоих родных — у тебя есть мать и тётя в соседнем городе, — найду твою работу — кафе «Уют» в бизнес-центре, начальника зовут Саныч, настоящая фамилия Санаев, он любит вычитать из зарплаты за грязные стулья, — и коллекторы будут звонить тебе каждый день. В конце концов ты потеряешь и работу, и машину, и крышу над головой, потому что приставы опишут имущество даже у мамы — она поручитель, так как вы прописаны вместе.

Я сидела, раскрыв рот.

— Откуда ты всё это знаешь? — прошептала я.

— Я внимательный, — повторил он свою фразу из прошлого разговора. — Твой брелок с ключами — на нём карточка с адресом и магнит от домофона с номером квартиры. Твоя футболка — с логотипом кафе, там же название и

телефон. Я позвонил — мне ответил мужчина, представился Санычем и спросил, будешь ли ты завтра на смене. Твоя сумка открыта, я заметил в ней студенческий билет филологического факультета — Алиса Сергеевна Ветрова. Мать — Ветрова Наталья Ивановна, 1975 года рождения, работает бухгалтером в «Альфа-Строй». Я всё это узнал, пока ты стояла под дождём и хлопала глазами.

У меня пересохло во рту.

— Ты... ты рылся в моих вещах?

— Я обеспечивал себе страховку, — ответил он без тени стыда. — Перед тем как предлагать сделку, нужно знать, с кем имеешь дело.

Он был чудовищем. Холодным, расчётливым, бессовестным чудовищем.

Но он был прав. У меня не было шансов.

Я посмотрела в окно, на тёмные стены складов. Мне хотелось плакать, но слёзы не шли. Внутри всё сжалось в тугой комок, и этот комок был болен.

— Зачем тебе горничная? — спросила я, потому что это было единственное, что не укладывалось в голове. — Ты явно можешь позволить себе профессиональную прислугу. Зачем тебе я — дилетантка, которая даже чайник толком не чистит?

Влад помолчал. В тишине дождя его молчание казалось долгим.

— Это моё дело, — сказал он наконец. — У меня есть

причины, которые тебя не касаются. Твоя задача — согласиться или отказаться.

— А если я соглашусь, а потом сбегу?

— Не советую, — его голос стал ледяным. — Я найду тебя за два дня. И тогда условия будут другими. Ты не захочешь их услышать.

Он говорил это так спокойно, так буднично, что я поверила.

— Месяц, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. — Только месяц. И ты не имеешь права... прикасаться ко мне. Или требовать что-то, кроме работы по дому. Договорились?

Влад снова улыбнулся — той своей полуулыбкой.

— Договорились. Я не насильник, Алиса. И не маньяк. Мне нужна горничная, а не игрушка.

— И ещё, — добавила я, чувствуя, что набираюсь наглости. — Я хочу, чтобы это было зафиксировано в письменном виде.

— Расписка? — удивился он.

— Договор. Настоящий, с подписями. Чтобы потом ты не сказал, что я тебе должна три года.

Влад усмехнулся — громко, открыто.

— Ты удивительная, — сказал он. — Стоишь, промокшая, трясёшься от страха, у тебя нет ни копейки за душой, а ты торгуешься о договоре. Мне это нравится.

Он включил зажигание, сдал назад и развернулся.

— Поехали ко мне. Договор я напечатаю, всё по закону. Даже юриста позову для солидности.

— А как же мои вещи? — спросила я.

— Завтра съездим к тебе домой. Соберёшь самое необходимое. Сегодня переночуешь в том, что есть.

— Но у меня смена завтра! — вспомнила я. — Работа, Саныч...

— Санычу я позвоню и скажу, что ты увольняешься, — сказал Влад.

— Что?! — я повернулась к нему. — Ты не можешь решать за меня!

— Могу, — сказал он. — Ты теперь работаешь на меня. Твой рабочий день — 24/7. Оплата — списание долга. Совмещать с другой работой не получится.

Это был последний гвоздь.

Я потеряла работу. Ту, которую ненавидела, но которая давала мне кусок хлеба.

Влад выехал из переуллка, и машина покатила по ночному городу. Дождь стихал, превращаясь в мелкую морось. Влажный асфальт блестел под колёсами, отражая красные шлейфы стоп-сигналов.

— Не переживай, — сказал Влад, заметив моё отчаяние. — Через месяц ты получишь свободу и сможешь найти новую работу. Даже лучше, чем в этом вашем «Уюте». Я дам рекомендательное письмо.

Я горько усмехнулась.

— Рекомендательное письмо от криминального авторитета? Спасибо, не надо.

Он не обиделся. Только спросил:

— С чего ты взяла, что я криминальный?

— У тебя взгляд такой, — сказала я. — И машина. И то, как ты говоришь о деньгах. Нормальные люди не предлагают девушкам отрабатывать долг в качестве горничных.

— Нормальные люди не врезаются в чужие машины, — парировал он.

Я замолчала. Он был прав. Спорить было бесполезно.

Мы ехали около получаса. Город кончился, начались пригороды — частные дома с высокими заборами, камеры на столбах, тишина. Влад свернул на узкую асфальтированную дорогу, обсаженную старыми липами, и через минуту мы оказались перед высокими воротами из кованого железа.

Ворота открылись автоматически, без сигнала — просто распахнулись, пропуская нас.

— Добро пожаловать домой, — сказал Влад.

Я вдохнула поглубже и подумала: «Месяц. Всего месяц. Я выдержу».

Но где-то в глубине души шевельнулся червячок сомнения: а выдержишь ли?

Я запретила себе думать об этом и вышла из машины.

Дом был огромным. Трёхэтажный особняк из светлого кирпича, с колоннами у входа и большими арочными окнами. Даже в темноте он выглядел внушительно — как кре-

пость, из которой не сбежать.

Влад открыл входную дверь ключом-картой и жестом пригласил меня внутрь.

Прихожая была размером с мою комнату. Мраморный пол, огромное зеркало в резной раме, вешалка, на которой уже висело несколько пальто — тёмных, дорогих, мужских. Женской одежды не было. Ни одного намёка на то, что здесь живёт женщина.

— Раздевайся, — сказал Влад.

Я замерла.

— Что?

— Раздевайся, — повторил он, стаскивая пальто. — Ты мокрая до нитки, простудишься. Я дам тебе халат, пока твоя одежда не высохнет.

Он повесил пальто на вешалку, снял ботинки (надел домашние кожаные тапочки, стоящие у порога), и пошёл вглубь дома, бросив через плечо:

— Следуй за мной.

Я разулась — мои кеды хлопнули, оставив мокрые следы на мраморе. Повезло, что пол тёмный. Стянула куртку, повесила её на свободный крючок. Футболка и джинсы были мокрыми насквозь, и я чувствовала себя голой.

— Иди, — крикнул Влад откуда-то из коридора. — Не стой.

Я пошла. Коридор был длинным, с дверями по обе стороны, картинами на стенах (настоящими, не репродукциями)

и паркетным полом, скрипящим под ногами. Мы поднялись на второй этаж, и Влад открыл одну из дверей.

— Твоя комната, — сказал он.

Я заглянула внутрь и потеряла дар речи.

Комната была раза в три больше моей. Кровать с высоким матрасом и белоснежным бельём, письменный стол, кресло, большой платяной шкаф, и отдельная дверь — наверное, в ванную. На подоконнике стояла ваза с живыми цветами — белыми розами, от которых пахло сладко и немного грустно.

— Здесь есть халат в шкафу, — сказал Влад. — Полотенца — в ванной. Можешь принять душ. Стиральную машину найдешь внизу, в подсобке. Постираешь свои вещи.

Он стоял в дверях, скрестив руки, и смотрел, как я оглядываюсь.

— Ты серьёзно? — спросила я. — Ты поселяешь меня в такой комнате?

— А ты хотела в подвал? — усмехнулся он. — Я же сказал: ты будешь гостьей. Горничная, но гостья.

— Это очень странно, — сказала я.

— Это практично, — ответил он. — Тебе нужно хорошо спать и есть, чтобы работать.

— У меня нет пижамы, — вспомнила я.

— В шкафу есть чистая футболка и спортивные штаны. Не мои, — добавил он, заметив мой взгляд. — Остались от предыдущей... гостыи.

— От предыдущей горничной? — спросила я.

Влад не ответил. Он развернулся и ушёл, бросив напоследок:

— Завтрак в восемь. Не опаздывай.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Я подошла к шкафу, открыла его, и действительно нашла футболку (серую, хлопковую, размера S) и штаны (чёрные, на резинке, удобные). Они пахли кондиционером — лавандой, а не тем агрессивным запахом из прачечной самообслуживания.

Я прошла в ванную. Там было белое мраморное покрытие, огромная душевая кабина с гидромассажем, полотенца — пушистые, тёплые, явно сушённые на полотенцесушителе.

Я сняла мокрую одежду, повесила её сушиться на специальную стойку, и встала под душ.

Горячая вода обожгла кожу, и только тогда я позволила себе заплакать.

Слёзы смешивались с водой, текли по щекам, капали с подбородка. Я плакала от страха, от унижения, от несправедливости — и от странного, необъяснимого чувства, которое зародилось в груди. Я была в доме чужого мужчины, который держал меня в заложниках, но при этом дал мне тёплую комнату, горячий душ и чистую одежду.

Был ли он монстром? Или просто человеком с очень странными представлениями о справедливости?

Я не знала.

Выключив воду, я вытерлась пушистым полотенцем, надела чужую футболку и штаны, и вышла в комнату.

На тумбочке у кровати стояла кружка с чаем.

Я подошла, понюхала. Мелисса.

Откуда он знает, что я пью мелиссу?

Ответ пришёл сам собой: он рылся в моих вещах. Видел пакетики в сумке. Заметил.

Влад был до жути внимателен.

Я взяла кружку, села на кровать и сделала глоток.

Чай был горячим, сладким — с мёдом, который я тоже любила. Идеальная температура, идеальная крепость.

Это было так странно, так неправильно — чувствовать заботу от человека, который только что разрушил мою жизнь.

Я допила чай, поставила кружку на тумбочку и забралась под одеяло. Бельё пахло свежестью и чем-то древесным — дорогим кондиционером, наверное.

Потолок был высоким, с лепниной, и я смотрела на него, не в силах уснуть.

В голове крутились мысли: что будет завтра? Как я буду убирать этот огромный дом? Что за люди здесь бывают? И главное — почему Влад так настаивал на том, чтобы я жила у него? Неужели он не мог просто взять деньги в кредит или договориться о рассрочке?

Что-то здесь было не так.

Но я слишком устала, чтобы думать.

Глаза закрылись сами собой, и я провалилась в сон без

сновидений.

Глава 3

Я проснулась от непривычной тишины.

Дома, в нашей двушке на пятом этаже, всегда было шумно — сосед сверху сверлил перфоратором по выходным, на лестничной клетке орали дети, мама смотрела телевизор на полную громкость, потому что у неё к пятидесяти годам начало сдавать ухо. А здесь тишина стояла такая, что закладывало уши.

Сначала я не поняла, где нахожусь. Белый потолок с лепниной, тяжёлые шторы на окнах, предрассветный свет, пробивающийся сквозь щель. Запах — незнакомый, древесный, чистый. Потом память вернулась ударом под дых.

Вчера. Авария. Дождь. Влад. Долг. Дом.

Я села на кровати, натянув одеяло до подбородка. Чужая футболка сбилась, штанины задрались, волосы высохли в какое-то немыслимое косматое облако. Рядом на тумбочке стояла пустая кружка из-под мелиссы — я вчера выпила чай, но уже не помнила вкуса.

Сколько времени? Часов на тумбочке не было, телефон я не нашла — кажется, он остался в сумке, а сумка... где сумка?

Я встала, нащупала ногами огромные пушистые тапки, которые кто-то предусмотрительно поставил у кровати. Тоже мои? Нет, не мои — слишком дорогие, на кожаной подош-

ве, с мехом внутри. Влад явно готовился к моему появлению заранее.

Это было жутковато.

Я вышла в коридор. Особняк спал — или не спал, а просто существовал в режиме ожидания. Тусклый свет бра на стенах, длинные тени, картины в золочёных рамах — портреты каких-то людей, которых я не знала, возможно, предков Влада. Или просто очередное вложение денег, чтобы стены не казались голыми.

Вчера, когда Влад вёл меня в комнату, я была настолько вымотана, что не запомнила дорогу. Теперь пришлось ориентироваться на глаз. Первая дверь налево — закрыто, вторая — тоже, третья оказалась туалетом. Спустилась по лестнице на первый этаж, нащупывая перила — мраморные, холодные, как лёд.

Внизу было светлее. Большие окна выходили в сад, за ними серело утро, на ветках деревьев висели капли вчерашнего дождя. Я пошла на запах кофе — он вёл меня, как Ариадну за нитью.

На кухне горел свет.

Не та кухня, к которой я привыкла. Не тесный закуток в хрущёвке с облупившимся фартуком и вечно забитой мойкой. А огромное помещение, совмещённое со столовой: остров из чёрного гранита посередине, ряд навесных шкафов, плита на шесть конфорок, два холодильника (два!), и витражное окно во всю стену, выходящее на террасу.

За островом стояла женщина.

На вид — за пятьдесят, но ухоженная, сухая, поджарая. Короткая стрижка седых волос, строгий тёмный костюм, белый фартук поверх. Губы сжаты в тонкую линию, глаза — тёмные, цепкие, как у охотничьей собаки. Она наливала кофе из кофемашины в белую фарфоровую чашку и делала это с такой сосредоточенностью, будто от этого зависела судьба мира.

— Вы, должно быть, Алиса, — сказала она, даже не повернув головы.

Голос — сухой, без интонаций, как зачитывание инструкции.

— Да, — ответила я. — А вы?

— Марина, экономка. — Она повернулась, и я увидела её лицо — всё в мелких морщинах, поджатые губы, взгляд оценивающий, недобрый. — Влад предупредил о вашем приезде. Пойдёмте, я покажу ваше место.

Она прошла мимо меня, даже не предложив кофе, не дождавшись ответа. Я поплелась за ней.

— Ваше рабочее место, — сказала Марина, открывая дверь в подсобку рядом с кухней.

Там было тесно. Полки с чистящими средствами, ведро, швабра, перчатки, тряпки — всё новое, аккуратное, разложенное по ящикам с бирками. На двери висело расписание — по дням, по часам, какие комнаты убирать, когда мыть полы, когда менять постельное бельё.

— Уборка первого этажа — с восьми до одиннадцати, — сказала Марина. — Обед — с одиннадцати до половины двенадцатого. С половины двенадцатого до двух — второй этаж. С двух до трёх — ваше свободное время. С трёх до шести — подготовка ужина, сервировка стола, помощь мне. Далее — свободное время до девяти вечера, затем проверка уборки и отбой.

Она говорила быстро, как автомат.

— Постельное бельё меняется раз в три дня. В стирке используйте только кондиционеры, которые стоят на третьей полке. Пылесосите ковры только вдоль ворса, не поперёк. Хрусталь протирать сухой замшей, не мочить. Серебро чистить специальной пастой, она в красной коробке.

— Я... — начала я, но Марина меня перебила.

— Вопросы потом. Сначала работа. Сейчас вы примете душ, переоденетесь в униформу. В шкафу ваши вещи — я подготовила.

— Мои вещи? — удивилась я. — Я вчера приехала без чемодана.

— Влад привёз их сегодня утром, — ответила Марина. — Из вашей квартиры. Сказал, что вы будете жить здесь какое-то время.

Сегодня утром? Пока я спала, Влад съездил ко мне домой, собрал мои вещи и привёз сюда? Но как он вошёл? У него не было ключей.

— Он взломал дверь? — спросила я.

Марина посмотрела на меня с лёгким презрением.

— У вашей матери есть запасной ключ под ковриком, — сказала она. — Влад внимателен.

Это слово — «внимателен» — уже начинало меня бесить.

Я вернулась в свою комнату. На кровати лежал аккуратно сложенный комплект униформы: чёрное платье до колена, белый фартук, кружевная наколка для волос. Всё новое, с запахом магазина, с этикетками.

Я оделась, чувствуя себя героиней дешёвого сериала. Платье село идеально, будто шили на меня. Это тоже было частью его «внимательности» — он запомнил мой размер, когда я стояла перед ним мокрая и трясущаяся.

От этой мысли по коже пробежали мурашки.

Я спустилась вниз ровно к восьми. Марина уже ждала у подсобки, сжимая в руке планшет.

— Начнём с гостиней, — сказала она и повела меня.

Особняк был огромным. Гостиная — с высокими потолками, камином, двумя кожаными диванами и стеклянным журнальным столиком, на котором в вазе стояли свежие орхидеи. Пол — паркет, тёмный, блестящий, без единой царапины. Я прошла по нему, и мои шаги прозвучали как выстрелы в тишине.

— Пыль протирать каждый день, — инструктировала Марина. — Сначала влажной тряпкой, потом сухой. Использовать только микрофибру. Раствор для полировки мебели — в бутылке с синим колпачком, не перепутайте с зелёным —

зелёный для кухни.

Я кивнула, хотя голова уже шла кругом.

— Ковры пылесосить специальной насадкой для длинного ворса. Не нажимайте сильно, иначе повредите.

Ковры были ручной работы, я в этом не сомневалась. Наверное, стоили как моя квартира.

Мы обошли первый этаж: гостиная, библиотека (огромная, с настоящими книгами, а не декоративными корешками), малая столовая, большая столовая, кабинет Влада (закрыт на ключ), холл, прихожая, кухня.

— В кабинет не входить без приглашения, — строго сказала Марина, когда мы остановились у тяжёлой дубовой двери. — Никогда. Даже если будете пылесосить коридор. Запомните это, девочка.

Я запомнила.

На втором этаже были спальни. Я насчитала четыре, плюс комната Влада — самая большая, в конце коридора, с отдельной дверью на балкон. Марина показала мне, как убираться в ней: с какой стороны заправлять постель, как расставлять подушки, как протирать зеркала.

— Его вещей не касаться, — предупредила она. — Только заправлять кровать, пылесосить, протирать пыль. Никаких личных вещей не трогать.

— Я и не собиралась, — буркнула я.

— Хорошо, — кивнула Марина и пошла дальше.

Третий этаж оказался странным — там были гостевая

комната (никогда не используется), комната для прислуги (моя), и ещё одна дверь, запертая на электронный замок.

— А это что? — спросила я.

— Не вашего ума дела, — отрезала Марина.

Она была настоящей стражницей. Сухая, поджатая, с губами, которые, кажется, никогда не улыбались. Я решила, что лучше с ней не ссориться.

Мы вернулись на первый этаж. Марина показала мне, где хранится инвентарь, как пользоваться мощным пылесосом (не чета моему старому «Самсонгу»), и как мыть окна без разводов.

В половине одиннадцатого, когда моя спина уже ныла, а руки были красными от воды и моющих средств, я услышала звук подъезжающей машины.

— Влад вернулся, — сказала Марина. — Приготовьте обед. Он не завтракал.

Я похолодела.

— Я не умею готовить для... для таких, как он.

— Научитесь, — бросила Марина и ушла.

Я стояла посреди кухни, сжимая в руках поварёшку, и чувствовала себя полной идиоткой.

Влад вошёл через минуту. В джинсах и чёрной футболке, без пальто, с влажными волосами — видимо, вышел из машины под дождь. Он мелькнул в коридоре, не глядя на меня, и скрылся в кабинете.

Через десять минут дверь кабинета открылась, и он по-

звал:

— Мелиса, кофе.

Я замерла.

— Мелиса — это я? — переспросила я громко, чтобы он услышал.

— А кто ещё? — донеслось из кабинета.

— Меня зовут Алиса.

— Здесь тебя будут звать Мелисой, — сказал он.

Я налила кофе в белую чашку (Марина показала, какую именно — с тонким ободком, его любимую), поставила на блюдце и понесла в кабинет.

Влад сидел за столом в кожаном кресле, листая что-то на ноутбуке. Даже в футболке он выглядел внушительно — широкие плечи, сильные руки, спокойная уверенность хищника.

Я поставила чашку на стол. Он не поднял глаз.

— Я не Мелиса, — сказала я. — Я Алиса.

— Знаю, — ответил он. — Но я перепутал имя специально. Будешь Мелисой, цветочек сорняк.

— Мелисса — это трава.

— Да, — кивнул он, наконец поднимая на меня глаза. — Которая растёт где попало, её трудно вывести, и она пахнет сильнее, чем её место в саду. Подходящее имя.

Я стиснула зубы.

— Ты мог бы называть меня по имени.

— Мог бы, — согласился он и сделал глоток кофе. — Но

не буду. Ступай, Мелиса. Через час обед.

— Я не умею готовить.

— Научись, — сказал он ту же фразу, что и Марина, и снова уткнулся в экран.

Я вышла из кабинета, кипя от злости.

Обед я всё-таки приготовила. С помощью Марины, которая, несмотря на свою внешнюю холодность, оказалась не лишена педагогического таланта.

— Режьте мельче, — командовала она, глядя, как я шинкую лук. — Не кусками, а кубиками. Он не любит, когда лук хрустит.

— А кто он вообще такой? — спросила я, ловя момент. — Почему у него такой дом, охрана, экономка?

Марина посмотрела на меня долгим взглядом.

— Вы здесь не для того, чтобы задавать вопросы, Мелиса. Вы здесь, чтобы работать.

Она тоже называла меня Мелисой. Похоже, Влад приказал всем.

Я приготовила куриный суп (Марина контролировала каждый мой шаг) и запечённую рыбу с овощами. Для себя и Марины — отдельно, потому что Влад обедал один.

Подавать ему я понесла сама. Вошла в столовую (большую, с длинным дубовым столом и канделябрами), поставила тарелку на салфетку.

— Сядь, — сказал он, не глядя на меня.

— Что?

— Сядь. Напротив. У тебя перерыв?

— Да, — осторожно ответила я. — Полчаса.

— Ешь со мной. Твой обед ещё на кухне?

— Да, но...

— Принеси и ешь здесь.

Я послушалась, потому что спорить с ним было бесполезно.

Мы ели в тишине. Я — за своим углом длинного стола, он — напротив. В этой огромной столовой, где могло поместиться человек двадцать, мы выглядели как две песчинки.

Он жевал медленно, аккуратно, без единого звука. Я старалась не чавкать и не стучать вилкой, но у меня это получалось плохо.

— Вкусно, — сказал он неожиданно. — Марина хорошо тебя научила.

— Это она готовила, — призналась я.

— Нет, — покачал головой Влад. — Она стояла рядом и командовала. Но готовила ты. Это видно. У Марины суп получается более густым, а этот — жидковат. Но для первого раза хорошо.

Он сделал мне комплимент и тут же его обесценил. Я не знала, как на это реагировать.

После обеда я убирала со стола, мыла посуду и протирала хрусталь в баре на первом этаже. В четыре часа, когда я уже шаталась от усталости, Марина сказала:

— Идите, отдохните час. Потом будет ужин.

Я поднялась в свою комнату, рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Комната для прислуги была тесной. Не то чтобы каморка, но по сравнению с той спальней, где я провела ночь — небо и земля. Одно окно под крышей — маленькое, затянутое пыльной сеткой. Узкая кровать с прогибшимся матрасом, старый платяной шкаф (скрипучий), тумбочка с лампой под зелёным абажуром. И никаких тебе роз, никаких свежих полотенец, никакого чая с мелиссой.

— Твоё новое гнёздышко, Мелиса, — вспомнила я слова Влада.

Он специально показал мне сначала роскошную комнату, дал отдохнуть в комфорте, а потом переселил в эту каморку. Чтобы я знала, что гостя я только до тех пор, пока он этого хочет. А на самом деле я прислуга.

Умный ход. И жестокий.

Я закрыла глаза и попыталась не думать о том, что впереди ещё двадцать девять дней.

Отдых мой длился недолго. В четверть пятого я услышала шаги на лестнице — тяжёлые, ритмичные, мужские.

Стук в дверь.

— Войдите, — сказала я, садясь на кровати.

Дверь открылась, и на пороге появился огромный мужчина. Не просто высокий — огромный, как шкаф. Квадратная челюсть, бритую голову, широкая шея, плечи, которые едва пролезали в дверной проём. Он был в чёрной тактической

футболке и чёрных же брюках, на поясе — кобура, в которой угадывался пистолет.

— Глеб, — представился он глухим басом. — Охрана.

— Алиса, — ответила я. — Горничная.

Глеб кивнул, и в этом кивке не было ни злости, ни дружелюбия — просто факт. Он осмотрел комнату, как будто проверял, нет ли скрытых угроз, задержался взглядом на окне, потом снова посмотрел на меня.

— Если нужна будет помощь — говори, — сказал он. — Я на первом этаже, в комнате охраны.

— От кого меня охраняют? — спросила я.

Он молчал три секунды.

— От дураков, — ответил он и ушёл.

Глеб был немногословен, но в его присутствии чувствовалась какая-то странная надёжность. Как у здоровой собаки — не лает, но зубов не разжимает.

Ужин прошёл легче. Я уже запомнила, где что лежит, не перепутала специй и даже не разбила ни одной тарелки.

Влад поужинал в одиночестве (мне было велено есть на кухне с Мариной), потом ушёл в кабинет. Я мыла посуду, когда в кармане униформы завибрировал телефон — мой собственный, который я нашла утром в тумбочке.

— Время, — сказала Марина, заметив мой взгляд. — Идите, отдохните.

Она была не такой страшной, как казалась сначала. Просто — вышколенная, профессиональная. В ней чувствова-

лась та же сталь, что и во Владе, но более старая, обтертая.

Я поднялась в свою комнату и достала телефон — старенький «Самсунг», потрёпанный, с трещиной на стекле. Сеть ловила слабо, но это неважно — я хотела не звонить, а записать.

Диктофон.

Я открыла приложение, проверила уровень заряда (42%), и поднесла телефон ко рту.

— Восемнадцатое сентября, — шептала я. — Я в доме у Влада. Это его резиденция за городом, точно адрес я ещё не знаю. Меня заставляют работать горничной в счёт долга. Сегодня меня переселили в комнату для прислуги, и я...

Дверь открылась без стука.

На пороге стоял Влад.

Я быстро спрятала телефон за спину, но он всё видел. Серые глаза сузились, лицо окаменело.

— Дай сюда, — сказал он спокойно, протянув руку.

— Это не твоё дело, — ответила я, хотя голос дрожал.

— Ты в моём доме, Мелиса. Здесь всё — моё дело. — Он сделал шаг в комнату, потом ещё один. — Дай телефон.

Я сжала его в кулаке.

— Я имею право записывать. Ты не можешь запретить мне.

— Могу, — сказал он и выхватил телефон у меня из рук с такой лёгкостью, будто я была ребёнком.

Он посмотрел на экран, увидел открытый диктофон, и на-

жал отмену.

— Никаких записей, — сказал он ледяным голосом. — Никаких звонков без моего ведома.

Он вышел из комнаты, и я пошла за ним, выкрикивая:

— Верни! Это моя собственность!

Он не обернулся. Спустился на второй этаж, зашёл в свою спальню — я на секунду увидела огромную кровать с балдахин, тёмные стены, запах его одеколона, смешанный с дымом. Влад положил телефон на тумбочку у изголовья, подключил к зарядному устройству.

— Когда захочешь позвонить — попроси меня, — сказал он. — Я дам телефон на пять минут.

— Это... это незаконно! — закричала я. — Ты не имеешь права!

— Закон, — он повернулся ко мне, и в его глазах не было ни капли эмоций, — это то, что могут доказать в суде. Ты сейчас можешь что-то доказать?

Я замерла. Он был прав. Я не могла. Даже если бы сбежала и написала заявление, что у меня отобрали телефон — кто поверит? Девушка, которая влезла в долги на два с половиной миллиона, живёт в доме у богатого мужчины, работает горничной? Скажут, что сама виновата.

Влад подошёл ко мне — близко, слишком близко. Я чувствовала его дыхание, пахнущее мятой, и под ним — табачную горечь.

— Ты подписала договор, Мелиса, — сказал он тихо. —

Добровольно. Никто тебя не заставлял. Помнишь? У тебя был выбор.

— Между судом и работой на тебя, — прошептала я.

— Выбор, — повторил он. — И ты его сделала. Теперь не жалуйся.

Он отступил, открыл дверь спальни и жестом указал на выход.

— Ступай. Завтра вставать в семь.

Я вышла, чувствуя, как дрожат колени.

В своей комнате я села на кровать, обхватила колени руками и долго смотрела в маленькое окно, за которым уже сгущались сумерки. Звезд не было видно — облака, наверное, ещё не рассеялись.

Я осталась одна. Без телефона, без связи, без возможности позвонить маме или Ленке. В доме, который был похож на дорогую тюрьму. С экономкой, которая не улыбается, с охранником-молчуном и с хозяином, который называл меня именем травы и смотрел так, будто я уже была его собственностью.

«Никаких записей. Никаких звонков без моего ведома».

Я сжала кулаки и пообещала себе: я выберусь. Через месяц я выйду из этого дома свободной, и Влад пожалеет, что связался со мной.

А пока — надо спать.

Я легла, укрылась тонким одеялом и закрыла глаза. Сквозь дремоту я слышала, как на первом этаже захлопну-

лась входная дверь — кто-то пришёл. Голоса — Влада и кого-то ещё, мужского. Разговор был тихим, но я уловила слово «груз».

Потом хлопнула дверь, и голоса стихли.

Я уснула, свернувшись калачиком, и мне снились чёрные машины, дождь и чьи-то серые глаза.

Глава 4

Будильник прозвенел в шесть утра.

Я не ставила будильник — значит, это Влад или Марина зашли в мою комнату, пока я спала, и завели его. От мысли, что кто-то бесшумно проник в мою каморку ночью, по спине пробежал холодок. Я села на кровати, пытаюсь сообразить, где нахожусь, и снова, как и вчера, реальность ударила под дых.

В комнате было темно. Окно под крышей выходило на север, и утренний свет едва пробивался сквозь затянутое паутиной стекло. Я нащупала выключатель — лампа под зелёным абажуром зажглась, отбрасывая на стены длинные тени. На тумбочке стояла кружка с чаем — горячим, как будто только что заваренным. Мелисса.

Я не знала, как это у них получалось. Может, в доме была система «умный дом», которая отслеживала, когда я просыпаюсь? Или Марина вставала в пять утра и заваривала чай всем по расписанию?

Я взяла кружку, сделала глоток. Тёплый, сладкий, с мёдом. Идеальный. Это было почти заботливо, если бы не обстоятельства.

Одежда — униформа, которую, оказывается, нужно было гладить каждый вечер — висела на плечиках у шкафа. Я оделась, заколола волосы в пучок, как требовала Марина

(«волосы не должны попадать в еду и чистящие средства»), и спустилась вниз.

На кухне уже горел свет, пахло кофе и выпечкой. Марина стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Увидев меня, она поджала губы — её стандартное приветствие — и кивнула на стул.

— Садитесь. Завтракать будете сейчас, потому что потом времени не будет.

Я села. Передо мной появилась тарелка овсяной каши с ягодами, стакан апельсинового сока и маленькая чашечка эспresso. Всё это выглядело как в дорогом отеле — салфетки, правильные ложки, даже молочник с сливками.

— Вы так заботитесь о прислуге? — спросила я, надеясь на сарказм.

Марина посмотрела на меня без выражения.

— Вам нужно много работать. Если вы упадёте в обморок от голода, работа встанет. Это практично, а не заботливо.

— Понятно, — буркнула я и принялась за кашу.

Она была вкусной — нежной, ароматной, с мёдом и корицей. Я съела всё, выпила сок, но от эспresso отказалась — не люблю горький кофе натошак.

Марина собрала посуду, сполоснула её и достала планшет.

— Сегодня у вас большой объём работы, — сказала она, листая экран. — Во-первых, три террасы. Западную, восточную и южную. Их нужно вымыть, протереть мебель, полить цветы. Во-вторых, серебро. В столовой стоят два сервиза —

один повседневный, один парадный. Парадный нужно почистить специальной пастой. В-третьих, завтрак для Влада. Он встаёт в девять, завтракает ровно в девять пятнадцать. Вы будете готовить.

— Я? — мой голос сорвался на писк. — Я не умею готовить завтраки для... для него.

— Научитесь, — как эхо, повторила Марина. — Я покажу. Слушайте внимательно, потому что дальше вы будете готовить самостоятельно.

Я слушала.

Меню было простым на первый взгляд: яйца пашот (два), тосты с авокадо (два), свежевыжатый апельсиновый сок (один стакан). Но простота была обманчивой.

— Яйца пашот, — вещала Марина, стоя у плиты, — варятся в кипящей воде с уксусом. Температура воды — ровно девяносто градусов, не больше. Яйца должны быть свежайшими, комнатной температуры. Разбиваете в чашку, делаете воронку в воде, аккуратно выливаете. Ровно три минуты. Вынимаете шумовкой, обсушиваете на бумажном полотенце. Белок должен полностью обволакивать желток, желток — жидким внутри.

Она говорила, а у меня в голове уже путались цифры и термины.

— Тосты с авокадо, — продолжала Марина. — Хлеб — зерновой, нарезанный ровными ломтями толщиной в сантиметр. Подсушить в тостере или на сухой сковороде, но не

до черноты, а до лёгкой золотистости. Авокадо должно быть спелым, но не переспелым. Размять вилкой, добавить сок лимона, соль, перец, каплю оливкового масла. Намазать на тосты, сверху — кунжут или семена чиа. Подавать тёплым.

— Сок выжимаете из апельсинов сами, — добавила она.
— Пакетированный не подходит. Два апельсина на стакан.

Я кивала, но чувствовала, что половину забуду в тот же момент.

— А почему я должна это делать? — спросила я. — У нас есть вы, есть профессиональные повара на заказ...

— Влад ест только то, что приготовлено в этом доме, — ответила Марина. — И он не доверяет поварам. Раньше я готовила. Теперь — вы. Это входит в ваши обязанности.

— Я не умею делать яйца пашот, — честно призналась я.
— Я даже яичницу иногда поджигаю.

— Научитесь, — в третий раз повторила Марина, и я поняла, что это слово — её мантра. — Пойдёмте, я покажу террасы.

Мы вышли через французские двери в сад. Утро было прохладным, с лёгким туманом, но обещало солнечный день. Роса блестела на траве, пахло поздними цветами и влажной землёй.

Террас было три. Не маленькие балкончики, а настоящие каменные площадки с кованой мебелью, кашпо с цветами и видами на разные части сада.

Западная терраса была самой маленькой — уютный уго-

лок с плетёным креслом и столиком. Марина показала мне, как мыть каменный пол (специальным раствором, не оставляющим разводов), как протирать мебель (влажной тряпкой, затем сухой) и как поливать цветы (не заливая корни).

Восточная терраса была больше — с обеденным столом на шесть персон, зонтом от солнца и барбекю. Здесь нужно было мыть не только пол и мебель, но и мангал — хотя им, кажется, не пользовались уже давно, просто пылился.

Южная терраса оказалась самой большой — с шезлонгами, лежаками, джакузи (джакузи!) и видом на лес. Влад явно любил принимать солнечные ванны.

— Здесь мыть особенно тщательно, — сказала Марина. — Влад часто сидит на южной террасе по вечерам. Лучше дважды пройтись шваброй, чем услышать от него претензию.

Я взяла ведро, швабру, тряпки и перчатки. Вода была холодной, но перчатки спасали. Я ползала на четвереньках, оттирая каждую плитку, каждую щель между камнями. К восьми утра у меня болели колени, спина, шея и руки. Но террасы сияли.

— Хорошо, — сказала Марина, осмотрев мою работу. — Теперь серебро.

Мы прошли в малую столовую — ту самую, где вчера Влад завтракал. Там, в дубовом буфете с застеклёнными дверцами, стояли два сервиза.

Повседневный — массивное серебро с гладкой поверхностью, уже довольно потускневшее. Парадный — изящный, с

гравировкой, с черненными узорами, похожий на музейный экспонат.

— Паста в красной коробке, — напомнила Марина, протягивая мне баночку. — Наносите на мягкую замшевую салфетку, круговыми движениями полируете до блеска. Не трите слишком сильно — сотрёте гравировку. На каждую вилку — не меньше минуты.

Я села за стол и принялась за работу.

Серебро было холодным, паста пахла химией и чем-то старым, музейным. Я терла вилку за вилкой, ложку за ложкой, нож за ножом. На шестой вилке у меня онемела рука. На двенадцатой — заболел большой палец. На двадцатой — я поняла, что это не уборка, а пытка.

— Десять минут на передышку, — сказала Марина, взглянув на часы. — Затем завтрак.

Я выпила стакан воды, размяла пальцы и пошла на кухню. Приготовление завтрака началось в восемь сорок пять.

— У нас тридцать минут, — сказала Марина, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на напряжение. — Влад не терпит опозданий. Если завтрак не будет подан в девять пятнадцать, он уйдёт в кабинет без еды, и тогда весь день будет ходить злой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.